

References

1. Aleksandrov V.E. *Nabokov i potustoronnost'* [Nabokov and other-worldliness]. St. Petersburg, 1999.
2. Dark O. Primechaniya [Note]. *Nabokov V.V. Sobr. soch.*: v 4 t. [Collected edition]. Moscow, 1997. Vol. 1.
3. Esaulov I.A. Kategorii zakona i blagodat v hudozhestvennom mire M. Yu. Lermontova [Categories of the law and grace in the artistic world of M. Yu. Lermontov]. *Evangel'skii tekst v russkoi literature XII–XXI vekov* [The Evangelical text in the Russian literature of the 12–21st centuries], Vol. 9, Petrozavodsk, 2014. URL: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/journal/konf/2014/Esaulov.pdf>

4. Zaika V.I. Analiz rasskaza V. Nabokova «Groza» [Analysis of the story by V. Nabokov "Thunder-storm"]. *Russkaya slovesnost'* [Russian literature], 2004, № 7, pp. 72.
5. Ivanov V.V. Elisej [Eliseus]. *Mify narodov mira. Ehnciklopediya*: v 2 t. [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow, 1987, pp. 432–433.
6. Mify narodov mira. Ehnciklopediya: v 2 t. [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow, 1987.
7. Nabokov V.V. Groza [Thunder-storm] *Sobr. soch.*: v 4 t. [Collected edition]. Moscow, 1997, T. 1, pp. 325–327.
8. Hodasevich V.F. O Sirine [About Sirin] *Sobr. soch.*: v 4 t. [Collected edition]. Moscow, 1996, T. 2, pp. 388–395.

УДК 821.161.1

С.В. Рудакова

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

МОТИВ РАЗОЧАРОВАНИЯ В ЛИРИКЕ Е.А. БОРАТЫНСКОГО

В статье рассмотрено своеобразие мотива разочарования в лирике Е.А. Боратынского. Выявлены особенности раскрытия Боратынским состояния разочарования. Рассмотрены такие эмоциональные формы проявления разочарования, как тоска, уныние, печаль. Доказано, что разочарование – не итоговый, а промежуточный этап в эволюции лирического героя поэта, именно разочарование заставляет его искать веру, ценить жизнь.

Боратынский, лирика, романтизм, мотив, разочарование, вера.

The article deals with the originality of the motif of disappointment in the lyric poetry by E. A. Boratynsky. Features of development of a state of disappointment by Boratynsky are revealed. We considered such emotional forms of manifestation of disappointment as melancholy, despondency or grief. It is proven that the disappointment is not final, but rather an intermediate step in the evolution of the lyrical hero, disappointment makes him look for faith and cherish life.

Boratynsky, lyric poetry, romanticism, motive, disappointment, faith.

Введение

Одним из важных в лирике Е.А. Боратынского является мотив разочарования [см.: 7–10]. На что еще в начале XX века обратил внимание С.А. Архангельский, назвав Боратынского «поэтом разочарования» [2]. Обусловлено это во многом влиянием эстетики и философии романтизма, в русле которого происходило формирование поэтического мира данного автора. Говоря же о романтизме, следует подчеркнуть, что среди важнейших отличительных особенностей эстетики романтизма стало настроение общего разочарования, обусловленного неудовлетворенностью происходящими в обществе изменений, несоответствием представлений об идеальном мире и современной действительности и многими другим причинами. Во многом именно состояние разочарования предопределило формирование такой особенности романтической художественной системы, как двоемирие, что рассматривается как конфликт мечты и реальности.

Стоит подчеркнуть, что настроение разочарования как знаковое, эпохальное зарождается в лоне сентиментализма и соотносится с такими эмоциями, как меланхолия и печаль, воспетыми многими поэтами [4], особенно выразительно Н.М. Карамзиным (показательна в этом отношении его элегия «Меланхолия», 1800). Однако стоит учитывать тот фактор, что эти настроения у сентименталистов связаны были с желанием отстраниться от общественной жизни,

уйти от суеты, чтобы предаться своим воспоминаниям, заново пережив самые значимые моменты прошлого.

Разочарование в идеях Просвещения, определявших развитие русской культуры XVIII века, размышления о неустроенности человеческой жизни, о краткости пребывания человека на земле, волна меланхолии захлестнули русскую литературу начала XIX века, породив так называемую элегию «общего разочарования», создателем которой по праву считают В.А. Жуковского. Не случайно П.А. Вяземский, размышляя о ведущих мотивах лирики этого поэта, отметил следующее: «Тоска Жуковского, может быть, мать его Гения...» [6].

Е.А. Боратынский, идя за предшественниками, выбирает собственный путь в трактовке такого состояния, как разочарование. Разочарование проникает и в сферу любовных переживаний («Он близок, близок, день свиданья (1819; 1823–1826), «Разуверение» (1821), «Признание» (1823; 1832–1833) и др.) и в область мечтаний и надежд («Прощанье» (1819), «Весна» (1820), «О счастии с младенчества тоскуя» (1823) и др.), и в сферу поэзии и искусства («Порою ласковую фею» (1828), «Последний поэт» (1835; 1842)), определяет это настроение и отношение к жизни в целом («Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам» (1820; 1823–1833), «напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти» (1820–1821), «К чему невольнику мечтания свободы» (1832–1833), «Когда исчезнет

омраченье» (1832–1833), «На что вы, дни! Юдольный мир явления» (1840) и т.д.).

Основная часть

Описание состояния разочарования не было поэтическим открытием Боратынского, достижением автора стало то, что он попытался выявить жизненную основу этого настроения, представив эти переживания насколько возможно психологически точно и конкретно, избегая неопределенности и расплывчатости в тех характеристиках, что он предлагал.

Боратынский одним из первых осознает, что разочарование из состояния индивидуального, характеризующего переживания отдельной личности, превратилось в начале XIX века в симптом духовной болезни поколения 20-х гг. Но при этом он с горечью замечает, что многие его современники, собравшись по перу, бездумно увлеклись мотивами скорби и уныния, используя как «модный наряд» выстраданное другими переживание. Об этом, в частности, он размышляет в стихотворении «Богдановичу» (1824; 1825–1826; к.1832–1833): «В печаль влюбились мы. Новейшие поэты / Не улыбаются в творениях своих, / И на лице земли все как-то не по ним. <...>. Пристала к музам их немецких муз хандра. <...>. Но что же! все мараки / Ударилась потом в задумчивые враки, / У всех унынием оделось чело, / уша увянула и сердце отцвело» [3, с. 117–118]. К этим вопросам позже обратятся А.С. Пушкин в романе «Евгений Онегин», М.Ю. Лермонтов в «Герое нашего времени» и др.

Неудовлетворенность жизнью лирического героя Боратынского проявляется конкретных психологических ситуациях, в которых он оказывается. Состояние разочарования обусловлено не внешними влияниями, а внутренними переживаниями, оно в мире поэта захватывает самые широкие области человеческих эмоций, проникая даже в сферу любовных и дружеских отношений. Лирический герой Боратынского переживает ситуации, когда вдруг обнаруживается разность отношения друзей и его самого к жизненным реалиям. Близкие ему люди по-прежнему увлечены эпикуризмом и ведут беззаботную веселую жизнь, его все это уже не прельщает. Потому рождается горькое понимание: «Но я безрадостно с друзьями радость пел – / Восторги их мне чужды были» [3, с. 75]; «Я бремению нескромным их участием» [3, с. 78]; «От всей души люблю я вас, / Но ваши чужды мне забавы» [3, с. 91]). Сравнение собственных чувств с эмоциями друзей заставляет лирического героя Боратынского понять, что он по сути «живой труп»: «Что в счастье мне? Мертва душа моя!» [3, с. 78].

Острее всего собственную эмоциональную «мертвенность» лирический герой осознает рядом с возлюбленной. Он разочаровывается не в ней, а в своей способности любить, в самом чувстве любви. Знаковым в этом плане является стихотворение Боратынского «Разуверение» (1821), в котором выражена позиция поэта «разуверения», утратившего веру в самое возвышенное чувство, что может испытать человек в земной жизни. Как своего рода заклинание звучит в этом произведении бесконечно по-

вторяющееся «не верю»: «Уж я не верю увереньям, / Уж я не верую в любовь» [3, с. 79]. Одной из причин, определяющих, по мнению поэта, все разрастающееся разочарование в жизни современного человека, становится разъедающий душу самоанализ, что убивает чувства, делает человека «духовным инвалидом». Об этом размышляет Боратынский в своей знаменитой элегии «Признание» (1823; 1832–1833), в которой задолго до Лермонтова представил своего героя времени, зараженного «болезнью века», постоянной рефлексией.

Задумываясь об общественной жизни, лирический герой приходит к еще более безотрадным выводам, открывая для себя беззакония, несправедливость, что царят среди людей: Что свет являет? Пир нестройный! / Презренный властвует; достойный / Поник гонимой главой; / Несчастлив добрый, счастлив злой» [3, с. 155].

В душе лирического героя Боратынского размышления о жизни человека порой рожают самые печальные настроения, близкие к полной безнадежности: «Наш тягостный жребий: положенный срок / Питаться болезненной жизнью, / Любить и лелеять недуг бытия / И смерти отрадной страшиться» [3, с. 78].

Состояние разочарования в лирическом герое Боратынского чаще всего порождает такое настроение, как тоска. Для большинства романтиков, например, для К.Н. Батюшкова тоска представлялась состоянием не разрушительным, а напротив, светлым, связанным с томлением по идеалу, своеобразным неопределенным мечтанием, никак не связанным с разочарованием. Боратынский, бесспорно, подобный опыт учитывает, и чувство тоски соотносится иногда с миром мечты и надежды: Я трепетал в тоске желанья / У ног волшебниц молодых» [3, с. 75]; «Пресытись ласками цирцей, / Шепчу я часто с умилением / В тоске задумчивой моей: / Нельзя ль найти любви надежной?» [3, с. 85]; «Или с волнением и тоскою / Ее напрасно я зову?» [3, с. 86]; «Быть может, избранный тобою / Уже не верится огню любви твоей, / Не тронется ее тоскою» [3, с. 95]; «О счастья с младенчества тоскуя, / Все счастьем беден я» [3, с. 104]; «Пылкий юноша не сводит / Взоров с милой и порой / Мыслит с тихой тоской» [3, с. 112]; Ты полон весь мечтою необъятной, / Ты полон весь таинственной тоской» [3, с. 135].

Однако чем старше становится поэт, тем чаще понятие «тоска» вызывает у него совсем иные ассоциации и начинает соотноситься с чем-то темным, мучительным, лишаящим человека сил, надежд, желаний: «Как страшно ты перегорела! / Раба томительной мечты! / В тоске душевной пустоты, / Чего еще душою хочешь? / Как Магдалина, плачешь ты, / И, как русалка, ты хохочешь!» [3, с. 125–126]. Тоска лирического героя приобретает экзистенциальный характер. Задумываясь о прошлом, он ощущает глухое отчаяние, его существо погружается в тоску: Слепой тоски моей не множь, / Не заводи о прежнем слова...» [3, с. 79], «О днях минувших пробудилась / Тоска души моей» [3, с. 84], «Не вымолю прощенья у жестокой! / Виновен я: я был неверен ей; / Нет жалости к тоске моей глубокой! / Виновен я: я славил жен

других...» [3, с. 116]; «Вам приношу я песнопенья, / Где отразилась жизнь моя: / Исполнена тоски глубокой...» [3, с. 178].

Размышление о настоящем и будущем навевают на героя еще более тоскливые настроения, ибо разочарование касается и этих сторон жизни: «С тоской на радость я гляжу, / Не для меня ее сиянье, / И я напрасно упование / В больной душе моей бужу» [3, с. 66]; «Мы плачем... но прости! Печаль любви сладка, / Отрадны слезы сожаленья! / Не то холодная, суровая тоска, / Сухая скорбь разуверенья» [3, с. 169]. Тоска проникает всюду, проявляет себя она даже в сфере творчества: «В борьбе с тяжелою судьбой / Я только пел мои печали: / Стихи холодные дышали / Души холодной тоской» [3, с. 128].

Не случайно тоска как знак полного разочарования и потерянности соотносится с самым трагическим образом поэзии Боратынского – с образом Недоноски из одноименного стихотворения автора: «Изымающий тоской, / Я мечусь в полях небесных, / Надо мной и подо мной / Беспредельных – скорби тесных!» [3, с. 181].

Иной эмоциональной формой выражения состояния разочарования становится уныние. Это настроение рождается, когда человек утрачивает веру в счастье, как следствие теряет способность видеть красоту мира, ощущать гармонию бытия: «Когда рассеянно, с унынием внимать / Я буду снам твоим о будущем, о счастье» [3, с. 58]; «Унынье в грудь к тебе теснится, / Не видишь ты красоты лугов» [3, с. 97].

Мотив разочарования соотносится и с настроением печали. Иногда ее груз для лирического героя не обременителен, более того, он находит даже некоторую сладость в этом настроении, обретая в нем источник своего вдохновения: «...печалью вдохновенный / Певец печаль свою поет» [3, с. 134]; «Когда, дитя и страсти и сомненья, / Поэт взглянул глубоко на тебя, / Решалась ты делить его волненья, / В нем таинство печали полюбя» [3, с. 219].

Но чаще печаль воспринимается сознанием героя Боратынского как чувство, рожденное разочарованием и лишаящее человека его жизненных сил: «Все хладный опыт истребил. / Узнал ли друга ты? Болезни и печали / Его состарили во цвете юных лет» [3, с. 58]; «Все прошло; ваш друг печальный / Вянет в жизни молодой» [3, с. 79]; «Я сердца моего не скрою хлад печальный. / Ты права, в нем уж нет прекрасного огня» [3, с. 108]; «Взойдет заря, / Мир озарит, души моей печальной / Не озаря. / Будь новый день любимцу счастья в сладость! / Душе моей / Противен он! Что прежде было в радость, / То в муку ей» [3, с. 126–127].

Потому в минуты скорбного осознания горестей жизни, разочарованный во всем лирический герой Боратынского саму жизнь готов воспринимать как воплощение печали: «Я встретить радость мнил – нашел одну печаль» [3, с. 58].

Разочарование мыслится Боратынским как болезнь, но не тела, а души. Причины этого кроются прежде всего в утрате «очарования» того, что было дорого человеку, в понимании того, что мир не соответствует высоким романтическим представлениям о нем, не оправдывает возложенные на него надежды.

Вопрос о разочаровании напрямую оказывается связан с важнейшим вопросом, над которыми задумывались многие поколения поэтов и не только до него, проблемой счастья [1]: «О, где вы, призраки невозвратимых лет, / Богатство жизни – вера в счастье?» [3, с. 71].

Парадокс поэтического мира Боратынского состоит в том, что лирический герой автора, разочаровавшийся в жизни, утративший веру даже в такое целительное для многих чувство, как любовь, должен был бы ожесточиться, возненавидеть мир и его создателя, раскрывается с совсем иной стороны. Герой поэта готов искать и находить основания для оправдания божьего промысла, создавать гимны Богу [7] за то немного, что дарует человеку радость, заставляет его ценить жизнь, он готов петь хвалу Всевышнему «за мирный угол свой» [3, с. 66]; за «целебный воздух жизни новой» [3, с. 75]; за «желанье счастья», что в него «вдохнули» [3, с. 101]; за «отраду в песнях муз» [3, с. 115]; за то, что «нет на земле ничтожного мгновенья» [3, с. 218]. И, наверное, поэтому Т.В. Зверева [5] и Е.Н. Федосеева [11] сравнивают лирического героя Боратынского с безутешным Иовом, обнаруживая общность их в том, что оба этих героя в страданиях, разочарованиях своих пытаются найти смысл, постичь через низ замысел Божий.

Выводы

Разочарование рассматривается Боратынским не как итоговое состояние, к которому приходит человек, утрачивающий веру в какие-то значимые проявления бытия, а как промежуточный этап духовно-эмоциональной эволюции личности. Именно разочаровавшись во многом, человек открывает для себя истинные основы жизни, заставляет его по-настоящему ценить то прекрасное, что иногда даруется человеку. Боратынский осознает сам и открывает это и своему читателю: все самое мрачное рано или поздно проходит, и человек получает возможность приблизиться к счастью, обрести веру: «Рука с рукой Веселье, Горе / Пошли дорогой бытия» [3, с. 127]; «Не ропщите: все проходит / И ко счастью иногда / Неожиданно приводит / Нас суровая беда. / И веселью и печали / На изменчивой земле / Боги праведные дали / Одинакие криле» [3, с. 165].

Разочарование, как и страдание, им порожденное, воспринимается поэтом как фундамент жизни, как своеобразный жесткий стимул для вечных поисков чего-то иного, прекрасного: «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам; / Не испытав его, нельзя понять и счастья» [3, с. 74]; «И далеко ищу, как жребий мой ни строг, / Я жить и бедствовать услужливый предлог» [3, с. 142]. Именно ввергнутый в бездну разочарования человек предпринимает невероятные усилия, чтобы выйти из духовного тупика, обрести новый взгляд на мир, познать Бога, приобщиться к вере и прикоснуться к той гармонии, что так долго была ему недоступна. Потому Боратынский – не мрачный пессимист, а трагический оптимист, в творчестве которого наряду с мрачными скорбными текстами, в которых бытие человека представлена как юдоль страданий («Недоносок»,

1835; 1842; «Последний поэт», 1835; 1842; «На что вы, дни! Юдольный мир явления», 1840), обнаруживается ряд стихотворений, в которых отражено иное мировидение, выражена вера в будущее человека и человечества, чувствуется сопричастность к чему-то гармоничному («Ахилл», 1841; «Рифма», 1840; «На посев леса», 1842–1843; «Пироскаф», 1844, «Молитва», 1841; 1844).

Разочарование заставляет лирического героя острее ценить то, что связано с жизнью, научило его извлекать из всего уроки и понять, насколько велика в жизни человека вера.

Литература

1. Абрамзон Т.Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // *Libri Magistri*. Вып. 1. Литературный процесс: историческое и современное измерения. 2015. С. 116–133.
2. Архангельский С.А. Е. А. Баратынский и его поэзия // *Под знаменем науки*. Юбилейный сборник в честь Николая Ильича Стороженка. М., 1902. С. 28–48.
3. Баратынский Е.А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1989.
4. Гайворонская Л. В. Генезис характера 'поэт' в русской литературе XVIII в. // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Русская филология. 2012. № 5. С. 73–82.
5. Зверева Т.В. О чем молчит «Ода, выбранная из Иова» М. Ломоносова, или еще раз об «умении прочесть оду» // *Филологический класс*. 2007. № 17. С. 37–41.
6. Письмо П.А. Вяземского К.Н. Батюшкову от 5 апреля 1815 г. // *Литературный архив*. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 141–142.
7. Рудакова С.В. Меж отчаянием и верой (об экзистенциальных и теодицейных мотивах в творчестве Е.А. Боратынского) // *Церковь и время*. 2013. № 3. С. 205–220.
8. Рудакова С.В. Мотив разуверения в лирике Е.А. Боратынского // *Вестник славянских культур*. 2013. Т. 27. № 1. С. 63–70.
9. Рудакова С.В. Основные образно-семантические категории поэтического мира Е.А. Боратынского. Магнитогорск, 2013.
10. Семенко И.М. Баратынский // Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. М., 1970. С. 221–291.
11. Федосеева Е.Н. Жалобы библейского Иова в поэтической интерпретации Е.А. Боратынского // *Вестник московского государственного областного университета*. Сер.: Филология. 2008. № 4. С. 166–172.

References

1. Abramzon T.E. K voprosu o russkom schast'e (poehziya XVIII veka) [On the question of Russian Happiness (poetry of XVIII century)]. *Libri Magistri*. Vol. 1. Literaturnyi process: istoricheskoe i sovremennoe izmereniya, 2015, pp. 116–133.
2. Arhangel'skii S.A. E.A. Baratynskii i ego poehziya [EA Baratynsky and his poetry]. *Pod znamenem nauki. Yubilejnyi sbornik v chest' Nikolaya Il'icha Storozhenka* [Under the banner of science. Festschrift in honor of Nikolai Ilyich Storozhenko]. Moscow, 1902, pp. 28–48.
3. Baratynskii E.A. *Poln. sobr. stihotvorenii* [Complete works]. Leningrad, 1989.
4. Gaivoronskaya L.V. Genезis haraktera 'poet' v russkoi literature XVIII v. [The genesis of the character of 'poet' in Russian literature of the XVIII century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology], 2012, № 5, pp. 73–82.
5. Zvereva T.V. O chem molchit «Oda, vybrannaya iz Iova» M. Lomonosova, ili eshche raz ob «umenii prochitat' odu» [What does "Ode selected from the Job" by Lomonosov keep silence about, or once again about the "ability to read the ode"]]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 2007, № 17, pp. 37–41.
6. Pis'mo P.A. Vyazemskogo K.N. Batyushkovu ot 5 aprelya 1815 g. [Letter of P.A. Vyazemsky to K.N. Batyushkov on April 5, 1815]. *Literaturnyi arhiv. Materialy po istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli* [Literary Archive. Materials on the history of Russian literature and social thought], St. Petersburg, 1994, pp. 141–142.
7. Rudakova S.V. Mezhd otchayaniem i veroi (ob ehkzistencial'nykh i teodiceinykh motivakh v tvorchestve E.A. Boratynskogo) [Between despair and faith (about existential and theodicy motives in the works of E.A. Boratynsky)]. *Cerkov' i vremya* [Church and time], 2013, № 3, pp. 205–220.
8. Rudakova S.V. Motiv razuvereniya v lirike E.A. Boratynskogo [Motif of losing faith in the lyrics by E.A. Baratynsky]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Herald of Slavic Cultures], 2013, T. 27, № 1, pp. 63–70.
9. Rudakova S.V. *Osnovnye obrazno-semanticheskie kategorii poehticheskogo mira E.A. Boratynskogo* [The basic image and semantic categories of the poetic world of E.A. Baratynsky]. Magnitogorsk, 2013.
10. Semenko I. M. Baratynskii [Baratynsky]. *Semenko I.M. Poehty pushkinskoi pory* [I.M. Semenko Poets of Pushkin Times]. Moscow, 1970, pp. 221–291.
11. Fedoseeva E.N. Zhaloby bibleiskogo Iova v poehticheskoi interpretatsii E.A. Boratynskogo [Complaints of the Biblical Job in poetic interpretation of E.A. Baratynsky]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. «Filologiya»* [Bulletin of Moscow State Regional University. Ser. "Philology"], 2008, № 4, pp. 166–172.

УДК 82.09

Е.Е. Соловьева

Череповецкий государственный университет

КОНЦЕПЦИЯ «КОНКРЕТНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ» В ТРУДАХ Д.С. ЛИХАЧЕВА И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В статье рассматривается понятие «конкретное литературоведение», предложенное Д.С. Лихачевым. Проанализированы основные научно-методологические принципы подхода: контекстуальность, точность, историзм, диалогизм, а также методические принципы (опора на факт, тщательная проверка и сопоставление фактов) и формы исследования (комментарий, интерпретация). Концепция Д.С. Лихачева носит полемический характер и направлена против безосновательных теоретиче-